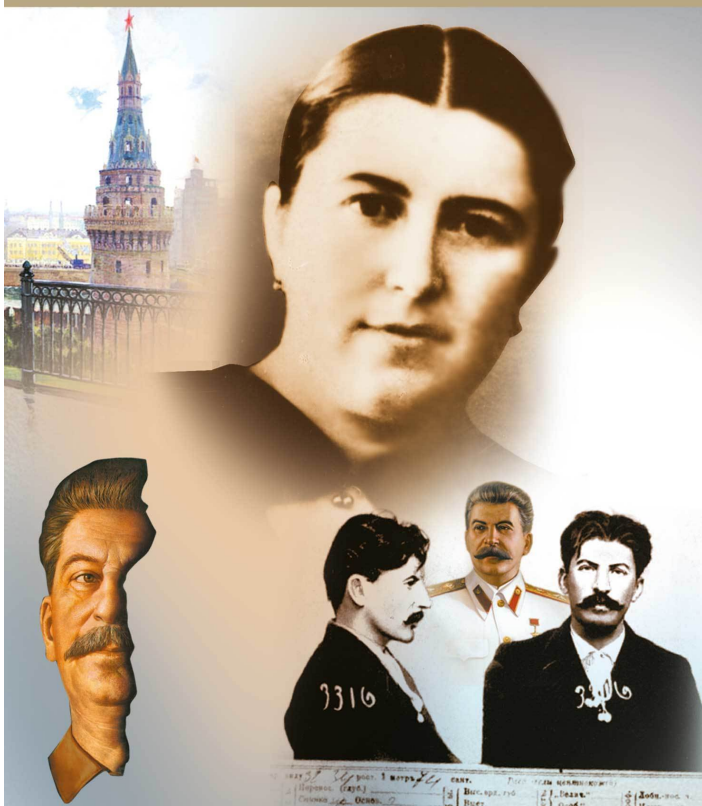

Мария и Уборкилова

ДИАЛОГ

с тайным советником Сталина

Мариам Ибрагимовна Ибрагимова

Диалог с тайным

советником Сталина

**Серия «Мариам Ибрагимова. Собрание
сочинений в 15 томах. Том», книга 7**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33393855

Собрание сочинений: в 15 т., Т. 7 : Диалог с тайным советником

Сталина. / М.И. Ибрагимова: Белый город; Москва; 2017

ISBN 978-5-906727-03-9

Аннотация

В годы репрессий лучшие люди страны, отстаивая правду, честь, человеческое достоинство, гибли в застенках ГУЛАГа. Мариам полемизирует с автором нашумевшей книги о Сталине В. Устиновым. В книге использованы редкие фотодокументы. Многие фото публикуются впервые.

Содержание

От автора	8
В роли советника, военспеца и учителя	9
Тёмное прошлое Сталина	40
Приход Антихриста	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Мариам Ибрагимова

Диалог с тайным советником Сталина

*Казалось, мчусь я, оседлав коня,
За правду в бой с бумажною рапирой,
А ложь стреляла пулями в меня...*
Мариам Ибрагимова

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой

Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 7

Авторский проект Рустама ИБРАГИМОВА

Мы не должны забыть все ужасы сталинизма, связанные с концлагерями и уничтожением миллионов своих соотечественников.

...Репрессии крушили людей, не разбирая национальностей, убеждений, религий.

Их жертвами становились целые сословия у нас в

стране. Среди них казачество и священники, простые крестьяне, профессора и офицеры, учителя и рабочие.

Логика была одна – посеять страх, пробудить в человеке самые низменные инстинкты, натравить людей друг на друга, заставить слепо и бездумно повиноваться.

...Этим преступлениям не может быть никаких оправданий.

В нашей стране дана ясная политическая, правовая, нравственная оценка злодеяниям тоталитарного режима. И такая оценка не подлежит никаким ревизиям.

...Перед этими могилами, перед людьми, которые приходят сюда почтить память своих близких, было бы лицемерно сказать: «Давайте всё забудем».

В. Путин

Диалог с тайным советником Сталина

От автора

В журнале «Огонёк» вышел в свет роман Владимира Успенского «Тайный советник вождя». Повествование ведётся от лица Николая Алексеевича Лукашова – вымышленного имени реального человека, приближённого Сталина.

Позволю себе не согласиться с точкой зрения автора и привести факты, опровергающие мысли, высказанные в тексте.

Буду писать, несмотря на угрозы старого юриста из Харькова Ивана Шаховского, бросившего всенародно грозное предупреждение: «Пусть попробует написать что-либо ещё на товарища Сталина» – и подавшего в суд на писателя Алексея Адамовича за то, что тот осмелился сказать правду о Сталине.

Я же буду писать то, что знаю, в чём убеждена, невзирая на жалкие потуги преподавательницы химии Нины Андреевой из Петербурга, пытающейся действовать то ли по убеждению, то ли по настоянию авторитетных лиц, оставшихся не у дел, страдающих ностальгией по временам минувшим, которые никак не хотят осознать и смириться с фактом, что сталинизм – пройденный этап XX века. Колесо истории никто не в силах повернуть вспять!

Неподкупный суд потомков ещё не окончен.

В роли советника, военспеца и учителя

Итак, Николай Алексеевич, вы были на Царицынском фронте рядом с Ворошиловым и Сталиным.

Вы, конечно же, объясняли Сталину, что боевые действия на фронте ведутся «полупартизанскими способами на самой

примитивной основе» и что сведения о противнике скудны потому, что нет организованной разведки.

Первые успехи вы считали временными, ибо командование не имело плана действий с конкретной целью на тот случай, что противник мог собраться с силами и нанести удар.

Сталин согласился с вами и предложил принять участие в организации штаба новой армии.

Таким образом, в сентябре 1918 года из разрозненных частей и соединений была создана 10-я армия. Ею стал командовать Ворошилов. Вы благополучно устроились в доме, где располагался штаб и проживал Ворошилов с женой.

Любопытный факт – в середине августа передовые части белых прорвались к Волге и начали выходить на подступы к городу И вдруг во всех штабах, дислоцированных в Царицыне, вспыхнули аресты бывших офицеров царской службы, перешедших на сторону красных, прибывших на фронт по направлению Троцкого.

Кто же приказал делать это, если они были устроены в штабах с ведома и по распоряжению центра?

На основании чего их обвинили в саботаже и принадлежности к контрреволюционной организации?

Какие чекисты могли решать судьбы штабистов в условиях фронта?

Кто распорядился потопить баржу, превращённую в тюрьму для обвиняемых?

Не от центра же это шло, если вскоре из Москвы последо-

вала телеграмма с требованием немедленно освободить арестованных.

Кем и почему в сумятице боёв большинство из этих офицеров были уничтожены?

Вопросы, вопросы...

Их-то как раз вы, господин советник, и обходите, хотя проходя и замечаете: «Готовился ли в Царицыне мятеж бывших офицеров? А может, это самый первый из тех многочисленных «заговоров», которые потом многократно виделись Сталину в течение всей его жизни, а то и специально фабриковались в угоду ему услужливыми приспешниками».

Не кривите душой, господин Лукашов, вы были самым близким к нему человеком, и никто лучше вас на эти вопросы ответить не мог.

Тем более что там же, в Царицыне, вы познакомились с обвинительными заключениями и убедились, что дела были состряпаны задним числом, обвинения наивны и бездоказательны. Бумаги эти впоследствии уничтожил второй после вас советник Сталина – ординарец Власик.

А ваши «акции» росли. Вот вы пишете: «Последнее время повелось так, что я не только знакомился со всеми важнейшими документами, но и находился при Сталине на всех совещаниях, встречах, касающихся военных дел. Было очевидно, что он приобщает меня к своим заботам, и такое доверие было небезразлично мне».

Это значит, что вы были довольны и рады служить тому, кто с первых дней прихода даже к небольшой власти позволял себе без суда и следствия, по нелепому, бездоказательному подозрению расстреливать военспецов, перешедших на сторону бывших противников ради любви к родине, отданной на растерзание отечественным и иностранным авантюристам от политики всех мастей, в том числе и вашему по-

кровителю.

В ходе изложения своих воспоминаний вы, где-то преувеличивая достоинство и роль Сталина на Царицынском фронте, в то же время подчёркиваете его полное невежество как члена Реввоенсовета фронта. Невольно задумываешься, что бы он делал там, не имей рядом вас, советника-военспеца и учителя. Согласно вашему утверждению, Сталин «...на всю жизнь усвоил тогда одно из правил военного искусства, понял, как важно сосредоточить на решающем участке силы и средства, чтобы нанести противнику неожиданный, массированный удар».

Эта усвоенная вами во время учёбы в Академии Генерального штаба премудрость тактики была известна полководцу Древнего Карфагена – Ганнибалу.

Если вы хорошо знакомы с военной историей древних времён, вы должны знать, что во время Второй Пунической войны (218 год до нашей эры) Ганнибал перешёл Альпы и нанёс римлянам сокрушительное поражение при Каннах.

Каким образом? Римский полководец сосредоточил в центре строя все силы и средства, чтобы нанести карфагенянам массированный удар.

Ганнибал в ходе сражения попятился назад, давая возможность противнику, прорвав оборону, углубиться в свои тылы. А затем неожиданно для увлечёвшихся «успехом» римлян обошёл противника с флангов, взял в клещи и разбил наголову. Кстати сказать, этот тактический приём прекрасно

использовало командование вооруженных сил фашистской Германии по всей линии наших западных и юго-западных границ в начале войны.

Бедой наших малограмотных, свежееиспечённых красных командиров было невежество, незнание военной науки и пренебрежительное отношение к военной истории, в особенности древней.

А знатоки военного искусства, сражавшиеся на стороне мятежных сил националистов и в рядах Белой добровольческой армии в горах Кавказа, одним эскадроном уничтожили – и почти без потерь! – целый полк пехоты, устроив «скифский мешок» в горном ущелье Араканы в Дагестане в 1920 году.

Повторяю – этот блестящий тактический манёвр был придуман ещё древними скифами, перекочевавшими с берегов Ледовитого океана к берегам Каспия, в горы Кавказа и на побережье Чёрного моря в I веке нашей эры.

И можно себе представить, какие победы принесли бы большевикам такие герои Гражданской войны, как луганский слесарь Ворошилов с членом Реввоенсовета фронта Сталиным, если бы на сторону красных не перешли прославленные полководцы – Брусилов, Тухачевский, Егоров, Уборевич, Якир, Блюхер, Гамарник, многие другие.

Начало октября 1918 года... Сталина вызвали в Москву. И, словно воспользовавшись его отсутствием, белые начали второе наступление на Царицын. Под их натиском оборони-

тельная линия прогнулась в сторону железнодорожной станции Воропоново.

«Слава богу, пишете вы, – к тому времени вернулся Сталин и оборона обрела надёжное руководство». Не покидая своего вагона, он «координировал действия военных сил, решая вопросы снабжения, резервов». А что делало командование, если комиссар, не разбиравшийся в военном деле, координировал их действия?

В те напряжённые дни Сталин, обратившись к вам, сказал: «Сейчас отправляем на Воропоново броне-летучку. Поезжайте, выясните, что с Ворошиловым. Разберитесь в обстановке и сообщите свои предложения».

Вы ответили: «Будет выполнено» – и поехали. Разыскивая штабной вагон Ворошилова, вы обратили внимание на беспорядочную пальбу заглушаемую сильной артиллерийской канонадой. Горели хутора, а на самой станции ни одного разрыва. Вы пришли к выводу, что белоказаки, зная, что здесь скопились эшелоны, хотят взять их целыми. А потому, отвлекая внимание красных, бьют по фронту, намереваясь нанести удар с флангов.

Вы отыскиали штабной вагон. На ваш вопрос, как он оценивает положение, Ворошилов ответил: «Очень трудно, долго не устоим»...

Вы посоветовали создать на дорогах заслоны, чтобы останавливать дезертирующих новобранцев из крестьянских парней и возвращать их на передовую. «У них одна думка: не помереть ни за белых, ни за красных».

В это время на станции раздались крики: «Казаки! Тикайте!» Начался хаос, люди на станции стали метаться, лезть под вагоны, выли бабы, слышался плач детей. Ворошилов, схватившись за кобуру, выбежал из вагона, вы за ним.

На станции паника. Бойцы станционной охраны, когда затрещали близко выстрелы, бросив винтовки, разбежались. Вы, схватив валявшуюся винтовку, побежали в сторону неглубоких окопов, где сидели молодые испуганные красноармейцы.

– Лежать! Огонь по моей команде! – воскликнули вы.

Рядом с «максимом» упал молодой парнишка в кубанке и никак не мог заправить трясущимися руками ленту. Вы оттолкнули его, вставили ленту и огляделись.

В вашу сторону наступала пехота. Конные казаки неслись лавиной левее по пологому склону. Короче говоря, пулемёт застрочил и те, кто бежал в центре цепи, вырываясь вперёд, полегли, не успев осознать опасность.

Вы засмеялись: «Это была отличная очередь. Ведь стрелял не какой-то фабричный вахлак, только что надевший шинель, а кадровый военный. Даже унтеры, прослужившие при пулемётах два-три года, не могли похвалиться, что сразили одной очередью полдюжины наступающих».

Вы встали и зашагали к станции, где смолк бабий визг и прекратилась бессмысленная суета.

Так произошёл второй перелом под Царицыном, надолго остудивший наступательный пыл белых. Я рада, что вы не кланялись пулям. Вы рисковали жизнью, а на войне вообще без риска не обойдёшься.

К концу 1918 года с наступлением холодов и появлением Красной армии в казачьих станицах на берегах Дона начал устанавливаться мир и утверждаться советская власть.

И здесь судьба свела вас с председателем Реввоенсовета республики Троцким.

«Он прибыл в поезде из специально оборудованных бронированных вагонов – поезд был настолько тяжёл, что его тянули два паровоза.

Пожалуй, это был целый город на колёсах с «населением» в 235 человек, со всевозможными удобствами, даже с горячей ванной. О благополучии путников заботились два десятка проводников, дюжина слесарей и электромонтёров. О здоровье – четыре медика. О питании – десять работников кухни, занимавшей целый вагон. Там хозяйничали три повара, причём один был грузин, другой армянин, а третий специалист по европейским блюдам – на все вкусы.

Имелась телеграфная станция и радиостанция, способная принимать передачи с Эйфелевой башни – Троцкий желал знать, что происходило в мире. Был вагон-гараж с автомоби-

лями и цистерна с бензином. Ну и так далее...

Запомнилась Лариса Рейснер, преданно делившая с высшим военным руководством «тяготы» походной жизни (уж не это ли послужило причиной того, что В.И. Ленин охарактеризовал 17 июня 1919 года положение в Ставке Троцкого точным словом – «вертеп»).

Охрана поезда состояла из специально подобранных людей, преданных Троцкому, в основном латышей и евреев.

«Девяносто человек в кожаных брюках и куртках, на левом рукаве у каждого металлический знак, отлитый по спец-

заказу на Монетном двоое с надписью: «Поедоеввоенсовета
Л. Тоонкий».

Лев Давидович гордился своей «кожаной сотней», дал охранникам полную свободу действий: «во имя революции» они позволяли себе всё, что хотели...

Наглые молодчики обшарили царицынские склады, загружая в вагоны всё лучшее, от продуктов до мебели. Туда же перекочевали различные ценности, реквизированные у богачей.

Делалось это безо всякой отчётности, и никто не знает, в чьих карманах осело золото и бриллианты, чьим семьям надолго обеспечили безбедное (мягко говоря) существование.

Хватали всё по принципу: после нас хоть потоп!..

«На красноармейцев, шеренгами вытянувшихся вдоль перрона для встречи, Троцкий не обращал никакого внимания, не останавливался перед ними, не здоровался. Просто не замечал их, и я сказал бы, что такого не позволял себе даже царь: мне доводилось бывать на смотрах... Занимаясь войной, он очень далёк от неё, от наших мук, наших болей, вызванных взаимным кровопролитием».

И далее: «...услышал фразу, выражавшую его кредо: «Конечная цель – ничто, движение – всё!»

Сама по себе, на мой взгляд, концепция эта бесспорна. Всё движется, борется, развивается. Остановка – смерть. Но громогласно проповедовать эту истину в тогдашней обстановке было бессмысленно и даже вредно».

Я добавлю: Лев Давидович Троцкий – истеричный горлопан, позёр и демагог, обуреваемый безумными идеями, пожалуй, был одним из самых активных участников Октябрьского переворота.

Как видим, разъезжал в спецпоезде, доставшемся ему от бывшего правителя империи, распоряжался и диктовал командующим фронтами, кому, где и как действовать.

Кроме того, в одном из вагонов его шикарного поезда была оборудована типография, в которой печатались постановления, приказы, решения, агитлистовки и даже жалкая газетёнка «В пути». Вся печатная продукция рассылалась в штабы фронтов и армейским структурам для сведения, ознакомления и исполнения.

Вас, товарищ Лукашов, очень покорибила статья в одном из номеров этой газеты, подписанная Троцким, – «Восстание в тылу».

В ней говорилось, что «восстание на Дону надо прижечь калёным железом», дальше следовало требование – «безжалостно уничтожать не только мятежников, но и жителей казачьих хуторов и станиц».

Троцкий писал: «Каины должны быть истреблены, никакой пощады!» Вы стали свидетелем оскорблений, унижений казаков. Казакам спарывали лампасы с шаровар, провоцировали на скандалы, противодействия.

Свирепствующие в станицах и хуторах эмиссары Троцкого упраздняли само слово «станица».

Более того, вы были потрясены, узнав, что по предложению и настоянию Троцкого ЦК РКП (б) принял резолюцию о полном уничтожении донского казачества, подписанную Янкелем Мовшовичем Гаухманом-Свердловым.

Согласна с вами – это самое настоящее проявление диктатуры фашизма. В считанные месяцы прибавилось на степных просторах более миллиона могил, по хуторам и станциям выкашивались все подряд: мужчины и женщины, дети и старики.

От вас узнала, что Троцкий был вообще против создания в Красной армии кавалерийских соединений, считая, что конница – «аристократический род войск, что в ней, прежде всего, служили князья и графы», пролетариату она не нужна.

Неужели Троцкий не знал, что испокон веков во всех странах мира конница была в числе основных родов войск, обеспечивая маневренность армий. Или из-за того, что когда-то Троцкий пережил в каком-то местечке погром черносотенцев с участием казаков, он воспылал лютой ненавистью ко всему казачеству России и мог поставить на карту судьбу вооружённых сил страны?

«Ставленники Троцкого не только свирепствовали на Дону. Они готовы были уничтожить и кубанских, и терских, и уральских казаков».

Надо было назвать имена ставленников. «В войсках имя Троцкого вызывало неприязнь и страх». Еще бы! Вы пишете: «Если в частях, в подразделениях были отказы от выступления на фронт, Троцкий приказывал строить полк и расстреливал каждого десятого, а то и пятого. А если в подразделении был перебежчик, Троцкий расстреливал комиссара».

А где были полководцы – Егоров и Будённый, военно-политические руководители Сталин и Ворошилов и другие?

Не от Троцкого ли научился Сталин жестокости и зверству, с которыми в Великую Отечественную войну расстреливал сотни тысяч солдат и офицеров, попавших в окружение и взятых в плен фашистами?

После зверств Троцкого на Дону вас не удивила жестокая расправа Сталина с участниками Кронштадтского мятежа, когда он залил крепость кровью и правых, и виноватых?

Карали кронштадтцев с звериной жестокостью. В первый день взятия крепости было расстреляно около 300 «мятежников», не считая убитых в бою. Сколько казнено, сколько погибло заложников, точно не известно. К расстрелу было приговорено более 2100 человек.

И не только из-за зверств Троцкого и Сталина, но и из-за переоценивавших свои достоинства длинноусых бывших унтеров пролетарского происхождения, наделённых правом командовать войсками и действующих по своей прихоти и произволу, красные порой терпели сокрушительные пораже-

ния.

Ведь тот же Будённый, участник боев на Дону, Кубани, Маныче, примкнувший со своим кавалерийским отрядом к Борису Мокеевичу Думенко, первому организатору красной конницы на юге, ненавидел его и противодействовал его приказам.

А за что?

Да за то, что хлопцы эскадрона Будённого, прикрыва-

ясь правом самообеспечения, больше всех мародёрствовали. Народ жаловался на их грабежи и дебоширство.

Но когда к Думенко явилась, громко рыдая, женщина в изодранном платье, изнасилованная красными кавалеристами Будённого, Думенко грубо говорил с ним и не раз предупреждал, что поступки его распущенных молодчиков могут дорого обойтись Красной армии.

Но, видимо, для некоторых вояк, привыкших сносить головы и расстреливать без суда и следствия, мародёрство расценивалось как экспроприация экспроприированного, и потому тот же Будённый вскоре оказался командующим, а Думенко – подчинённым. Вот уж где Будённый поиздевался над лучшим кавалеристом Красной конницы.

Вы, Николай Алексеевич, характеризуя Будённого, отмечаете: «Семён Михайлович ни знаний не имел, ни с логикой не считался, поступал против правил».

Благодаря невежеству, упрямству и личной неприязни Будённого к командиру коннострелкового корпуса Б. Думенко и другим военспецам, белые мощным ударом опрокинули Кавказскую кавалерийскую дивизию Г. Гая (Гайка Бжишкяна), который позднее стал командиром стрелковой дивизии Восточного фронта и штурмом взял Симбирск.

Расправившись с Гаем (на помощь которому должен был прийти Будённый и не пришёл) близ станицы Мечётинской, белые обрушились двадцатью четырьмя полками против 28-й стрелковой дивизии Азина.

Дивизия была окружена и почти полностью истреблена. Орденоседец начдив Владимир Азин был взят в плен и казнён.

Ростов пал, корпус Думенко был опрокинут, две дивизии разгромлены. И всё из-за самовольства Будённого и невыполнения им приказа – преступлений, за которые любой командир должен отвечать перед военным трибуналом.

«Стояли друг против друга: заматеревший, налитый силой, усатый вояка, пятнадцать лет не покидавший седла, смекалистый и беспощадный, пропахший махоркой и конским потом, – и стройный красивый юноша, очень чистенький, аккуратный, я бы сказал даже барственный, с брезгливо-ироническим разрезом рта (Тухачевский выглядел моложе своих двадцати семи).

Сколько подобных юнцов перевидал за свою жизнь Семён Михайлович, сколько их было, молоденьких офицеров, помыкавших им! Потом не одному такому вот чистенькому красавчику располосовал он голову тяжёлой шашкой с большой медной рукояткой. А этого не то что клинком – соплёй в талии перешибёшь. Но за его спиной власть, сам Ленин направил его сюда».

Да уж, если начинал Семён Михайлович ненавидеть, то навсегда – в этом отношении Михаилу Николаевичу не повезло.

«Будённый всей своей сутью, образом мышления соответствовал условиям именно той гражданской междоусобной войны, которая и породила его».

И при этом Будённый до конца своих дней оставался «на коне», так же как и Ворошилов, несмотря на то что и в период Великой Отечественной войны как полководцы лишний раз подтвердили свою полную бездарность.

С неприязнью и лютой ненавистью относился Будённый не только к Думенко, Азину, но и к Тухачевскому, который, будучи брошен на Южный фронт, вначале командовал 13-й армией на Дону под Батайском, а затем был назначен командующим всем Кавказским фронтом. Здесь началась большая дружба члена Реввоенсовета фронта Серго Орджоникидзе и Михаила Тухачевского.

Забегая вперёд, скажу, что, к великому позору наших

неблагодарных правителей, пришедших к власти во главе со Сталиным, многие из истинных героев, формировавших и водивших по донским просторам, по горам Кавказа, в Крыму и Поволжье, по Уралу и Сибири полки, состоявшие из голодных, разутых, раздетых, порой без винтовок (не говоря о пушках и пулемётах), с одними шашками и штыками прорывавшихся сквозь вражеские цепи и фактически утвердивших власть Советов, к сожалению, были не просто забыты и вычеркнуты из истории, а оклеветаны и уничтожены.

Сталин искал опору, пишет вы. И те, кто примыкал к нему, безусловно признавали за ним лидерство, становились его сторонниками на всю жизнь. В этом отношении особая роль выпала на долю Ворошилова и Будённого.

Но обратимся к третьему походу Антанты. 1920 год. Обстановка в молодой Советской республике ещё больше осложнилась.

На юге, в Крыму, развернул действия генерал Врангель. На западе панская Польша двинула свои вооружённые силы на Украину и Белоруссию. Соответственно направлениям наступления врага, командование нашими вооружёнными силами развернуло два фронта: Западный и Юго-Западный. Для командования Западным фронтом с предгорий Северного Кавказа был переброшен Н.М. Тухачевский, командующим Юго-Западным фронтом назначен А.И. Егоров, переброшенный с Донского и Волжского театров боевых действий. Членами Реввоенсовета Юго-Западного фронта были

назначены И.В. Сталин и Р.Л. Березин, а Западного – И.С. Уншлихт.

6 мая 1920 года польская армия заняла Киев. Вместе с белополяками в город вступили отряды атамана Петлюры. Но расположились они отдельно и в контакт между собой не вступали. Поляки относились к петлюровцам с нескрываемым пренебрежением. Первыми наступление начали ча-

сти Западного фронта, 15 мая со стороны Смоленских ворот. Главный удар по врагу, согласно плану, планировалось нанести 15-й армии, которой командовал Август Иванович Корк.

В начале мая к Умани была переброшена с Северного Кавказа 1-я Конная армия, она оказалась в тылу польского фронта. 26 мая 1-я Конная перешла в наступление в направлении Каватина.

Но до того части 25-й и 58-й стрелковых дивизий 12-й армии Егорова взяли Киев. Начатое в первых числах июля Западным фронтом генеральное сражение в Белоруссии завершилось полным разгромом польской армии. Минск был освобождён.

Конный корпус Г.Д. Гая, действовавший севернее, вышел в тыл белополяков, занял Светянцы, а затем с помощью 164-й бригады покорил и Вильно. Штаб Западного фронта приступил к разработке плана наступления на Варшаву М.Н. Тухачевский подписал директиву о форсировании Вислы, с глубоким обходом Варшавы.

Ознакомившись по телефону с планом и директивой Тухачевского, главнокомандующий приказал двинуть 12-ю и 1-ю Конную армии с Юго-Западного на Западный фронт для поддержки Тухачевского. В начале сражения на Висле и наступления на Варшаву Красная армия имела успех, но вскоре перешедшие в контрнаступление поляки оттеснили войска Западного фронта на Восток. Директива, данная командующему Юго-Западным фронтом, – направить 1-ю Конную

и 12-ю армии для усиления левого фланга армии Тухачевского – не была выполнена. 1 – я Конная, подчинённая Егорову, наступала на Львов, хотя эта её цель считалась второй-степенной.

Член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Иосиф Сталин скрыл от Александра Егорова полученную директиву. Своевольный комиссар, не разбиравшийся в обстановке, не раз перечил и не давал опытному полководцу А.И. Егорову принимать правильные решения. Как член Реввоенсовета, член ЦК, без которого командующий фронтом не имел

права самостоятельно действовать, Сталин фактически сковывал и дезориентировал полководца.

А вы, Николай Алексеевич, будучи его ближайшим советником, не соизволили остепенить зарвавшегося вчерашнего бездельника, в жизни не нюхавшего пороха.

1-я Конная оставалась в резерве Юго-Западного фронта. Будучи в курсе дел Западного фронта и следуя настоятельной просьбе Тухачевского усилить его левый фланг перед наступлением на Варшаву за счёт 12-й и 1-й Конной, Егоров отдаёт приказ о передаче 1-й Конной, 12-й и 13-й армий Западному фронту.

Сталин демонстративно отказывается подписать приказ и сообщает об этом главнокомандующему.

Чем бы вы объяснили, уважаемый Николай Алексеевич, как военный советник Сталина, такое его поведение?

Говорят, что ваш патрон со свойственным ему эгоизмом хотел сорвать лавры победителя за взятие Львова. Но, к его великому сожалению, бои подо Львовом, куда была брошена 1 – я Конная, закончились поражением.

Когда же конница Будённого начала отход на север, было уже поздно. Командующий Западным фронтом отдал приказ об отступлении.

Вот здесь вы пишете, что «поверни Будённый на Варшаву, и события потекли бы по более удачному для нас руслу...». Но приказу командарм не подчинился, забыв, что приказы командующего выполнять надо безусловно: без этого нет ар-

мии, нет победы.

И уж совсем с вами согласна, когда вы показываете ту пропасть, которая со временем рассечёт весь командный состав наших вооружённых сил. На одной стороне окажется Сталин с теми людьми, с которыми воевал, которым полностью верил, а на другой – все или почти все остальные. В том числе, разумеется, Тухачевский и Гай.

Пройдёт время, и отольётся им это тяжёлым свинцом. Мстительный, злопамятный, никому ничего не прощающий, шеф ваш отомстит за собственные промахи и за то, что пренебрёг «основным правилом военного искусства», как это он умел мастерски делать в течение всех лет своей безраздельной власти в стране.

А ведь не Сталина – Тухачевского посылал Ленин на самые опасные участки Гражданской войны. Командуя армиями и фронтом, Михаил Николаевич громил белых под Воронежем, белоказаков генерала Краснова на Дону, Добровольческую армию Деникина на Северном Кавказе. Громил белополяков на Западном фронте, подавил мятежников Кронштадта и бунтовщиков антоновщины.

Самочинство Иосифа Сталина, послужившее причиной поражения на западном направлении, стало известно Ленину.

Решением политбюро Сталин был отстранён от должности члена Реввоенсовета.

За это, как вам, господин Лукашов, известно, он позднее

отомстит Тухачевскому и другим основателям вооружённых сил страны, приведших к победе в боях с Белой армией и интервентами.

Но как бы то ни было, измученный длительной борьбой с чужеземцами и всякого рода монархистами, анархистами, националистами и прочими «истами», народ победил, жертвуя собой во имя светлого будущего Отчизны и счастья грядущих поколений.

Тёмное прошлое Сталина

Биографию Сталина, его жизнь и деятельность до 1917 года вы отражаете без логической связи, путано, с обилием восхваляющих и превозносящих вымыслов.

Что же касается его родословной, то здесь всё покрыто непроницаемым мраком, пожалуй, большим, чем у любого другого владыки мира, начиная с глубокой древности до наших дней.

Сам Сталин никогда никому не рассказывал о своём детстве, отрочестве и юности, разве только что-то отрывочное, сказанное на ходу своей дочери Светлане. Вождь пролетариев гневно пресекал любопытствующих, пытавшихся покопаться в архивах, спецхранах, ездивших в Гори, чтобы встретиться со старожилами. За это некоторые, не в меру старательные, поплатились жизнью.

Так что для «счастливых детей» сталинской эпохи и грядущих поколений, которым предписывалось свершение мировой революции, не было написано произведения, открывающего глаза на Сталина. В этом отношении феномен вождя неоспорим, как и его психическая неустойчивость.

Только тогда, когда Её Величество смерть вынесла свой приговор тому, кто надеялся на бессмертие, и осанна была сменена на анафему, любопытствующие вновь кинулись к спецхранам, архивам и музеям, к церковным книгам с запи-

сю венчаний, рождений и смертей.

Но если в нашей стране до самой смерти вождя был наложен запрет на изучение и отражение в печати детства и отрочества Джугашвили, то воля «отца народов» не могла воздействовать на тех, кто пользовался полной свободой мнений и действий за рубежом.

Так, например, в 1931 году в Нюрнберге издательством «Стрела» была выпущена книга «Сталин». Её автор С.К. Дмитриевский, состоявший на службе в дипломатической миссии в Стокгольме, в двадцатых годах отказался вернуться в СССР.

В своей книге Дмитриевский в основном отражает становление Сталина как государственного деятеля. О личной жизни генсека, судя по содержанию, в особенности до Октябрьского переворота, ему почти ничего не известно. А потому изложение расплывчато, неубедительно.

Заслуга автора в том, что он предвидел и предсказал многое из того, что принесла диктатура Сталина России.

А. Антонов-Овсеенко, несмотря на близость и дружбу с вождём в течение второй половины его жизни, и Рой Медведев, пожалуй, правдивее других отразили прошлое и родословную Джугашвили.

Вы тоже, Николай Алексеевич, ничего не знали, а если и знали, то недостоверно отразили его биографию до 1917 года.

Вы начинаете свой рассказ с характеристики и описания внешности Сталина: «Иосиф Джугашвили был никуда не годным солдатом», «низкорослый, рябой, длиннорукий».

К портрету вы забыли добавить, что был он ещё кривоно-

гим, конопатым, с низким узким лбом, над которым щети-
нилась грива волос цвета меди, с жёлтыми, словно окрашен-
ными желчью, пронизательными глазами и мясистым носом,
с подвижными, как у хищника, ноздрями.

Он, конечно, выделялся «среди молодых, крепких сибиряков», но не в лучшую сторону.

А что касается его «нерусского очарования»... Неужели, Николай Алексеевич, вам не приходилось встречать среди нерусских народов богатырского сложения красавцев?

И дальше вы подчёркиваете: «Этот грузин доставлял фельдфебелю много забот и хлопот, начиная с обмундирования, – на два размера больше рукава, а подол до колен. А вот куда определить Джугашвили – эта задача оказалась не под силу фельдфебелю. К тому же ещё и политический, прямо из ссылки».

Вы, Николай Алексеевич, кадровый офицер царской службы, должны знать и, наверное, знаете, что стрелковые полки в те времена не комплектовались из уголовников, тем более из политических ссыльных.

Даже если возраст тридцать семь лет в условиях военного времени считался нормальным для призывника, то калеку с недееспособной рукой никакая врачебно-отборочная комиссия не признала бы годным к строевой.

В те дореволюционные времена, в отличие от советских, мобилизации не подлежали не только инвалиды, но и здоровые мужчины, если они были единственными кормильцами

неможных родителей.

Что касается искалеченной руки Сталина, то у биографов вождя много разных домыслов, откуда взялось увечье. Вы, Николай Алексеевич, пишете, что рука была повреждена, когда Иосиф случайно попал под колёса фаэтона.

Другие утверждают, что Сталин покалечил её, упав с горы.

Третьи в своём рвении приукрасить вождя ореолом доблести, подвига и героики изошряются в выдумках: мол, рука вождя была повреждена, когда тюремное начальство в наказание за побег решило пропустить его через строй. Били палками, но Джугашвили мужественно перенёс тяжкое испытание с гордо поднятой головой. Видевшие всё это из окон заключённые якобы кричали:

– Крепок, как сталь! Стальной революционер!

Эта совершенно не имеющая отношения к реальности легенда объясняла не только травму руки, но и происхождение псевдонима Сталин.

На самом деле, уважаемый тайный советник вождя, левая рука Иосифа Джугашвили была покалечена в годы отрочества, когда его заключили в каталажку за воровство. Когда Сосо, сопротивляясь, укусил жандарма, поймавшего его на Тифлисском рынке, блюститель порядка повредил ему руку.

На основе изложенного, уважаемый Николай Алексеевич, можно прийти к выводу, что при тех обстоятельствах, которые вы описываете, встретиться и оказать какую-то помощь

Джугашвили в Красноярске вы не могли. Тем более что, согласно официальным источникам, Иосифа Сталина из Туруханской ссылки освободила Февральская буржуазно-демократическая революция, и 12 марта 1917 года он прибыл в Петроград, где вошёл в состав редакции газеты «Правда».

Работа журналиста специфична и сложна. А потому настоящий журналист должен быть человеком мыслящим и высокообразованным.

Хотя в канун переворота, да и после установления советской власти к участию в периодической печати привлекались и малограмотные «ударники» – победители соревнований и прочих простой люд (в качестве авторов «из народа»). Статьи, зарисовки, очерки за них на самом деле чаще писали литературные сотрудники печатных органов.

Я хочу подчеркнуть: Сталин слабо разбирался в публицистике, но, прельщённый ролью трибуна, сразу уяснил себе, что для успеха он должен сначала найти человека, который будет грамотно отражать на бумаге его идеи, а также планы, призывы и поручения руководства партии большевиков.

Такой человек был найден. Людмила Николаевна Сталь была не просто исполнителем, но и спутницей жизни, связанной со Сталиным узами дружбы и любви.

Сталь была дочерью известного фабриканта из Екатеринославля. Состояние семьи позволило дать ей неплохое образование – общее и музыкальное. Людмила знала языки и, как многие молодые люди того периода, увлеклась идеями народовольцев, а затем вплотную занялась подпольной революционной деятельностью, вступив в партию большевиков в 1899 году.

С Джугашвили, к тому времени примкнувшему к революционерам-подпольщикам, Сталь познакомилась в ссылке, где политические смутьяны, находясь на вольном поселении,

имели возможность встречаться и сближаться.

Простота нравов свободолюбивых, увлечённых идеями Маркса революционеров позволяла им беззастенчиво вступать в любовные отношения с единомышленниками, преследуемыми законом.

Несмотря на то что Людмила Сталь была на шесть лет старше Иосифа Джугашвили, он основательно увлёкся этой привлекательной, остроумной и темпераментной женщиной.

По стечению обстоятельств они многократно расставались и снова встречались. Затем какое-то время Сталь была вынуждена скрываться за границей, но переписку они не прекращали.

После Февральской революции оба поспешили в Северную столицу, где снова были вместе, правда, не афишируя своих интимных отношений. Но об этом никто из биографов вождя не упоминает.

В Петрограде после Февральской революции Иосиф Сталин вошёл в состав Политбюро ЦК ВКП(б) и ведал партийной печатью, а Людмила Сталь с помощью Иосифа Виссарионовича стала агитатором Петроградского городского комитета партии.

Работали они рядом, что устраивало Сталина, ибо она фактически проводила смысловую и стилистическую правку всех его газетных публикаций, партийных докладов, протоколов, решений и всего прочего.

Их многолетняя любовь и деловая связь продолжалась до

тех пор, пока Сталин не польстился на молодость и красоту Надежды Аллилуевой, которая была на два десятка лет моложе.

Но, критически мыслящая, умная женщина, Сталь не узрела в молодой девушке соперницы и вовсе не собиралась порывать длительную связь с человеком, достигшим с её помощью высокого положения в партийной иерархии.

Сталин, в свою очередь, тоже не порывал деловых отношений со своей возлюбленной. Именно к ней отвозил сек-

ретные пакеты личный телохранитель вождя генерал Власик и, дожидаясь, доставлял их обратно.

Людмила Сталь была на ответственной работе в Госиздате, затем перешла на научную работу в Музей революции. Она обеспечивала Сталина материалом для его «научных работ», обогащая их цитатами из трудов Маркса, Энгельса, Ленина, делая выписки из сочинений классиков, не только кропотливо редактируя, но и вставляя целые главы в «труды» «корифея всех наук» Сталина.

Конечно, всё это делали без огласки, с помощью единственного курьера – Власика.

К этой женщине, столь преданной, много сделавшей для прославления его как теоретика и практика марксизма-ленинизма, Сталин сохранял чувство уважения и благодарности до конца её дней, он даже отметил её высокой наградой – орденом Ленина.

Думаю, что псевдоним Сталин был «рождён» в этих отношениях с преданной и незаменимой женщиной, носившей иноземную фамилию Сталь.

Немного об Иосифе Сталине до 1917 года. То, о чём вы умолчали.

Итак, в Диди-Мало у Вано родился сын – Виссарион. Тот самый Виссарион, ставший исторической личностью, давший отчество будущему вождю. Фамилия его была не Джугашвили, а Джугаев, как обозначено в вольной прадеда вождя – Зазы.

Скажу сразу, Виссариону тяжёлый земледельческий труд пришёлся не по душе. Видимо, от природы склонный к лени, он, как и его будущий сын, был лишён благородного чувства привязанности к земле, родному краю.

Пристрастился к спиртному, порождающему любовь к застольям, а потому, бросив небогатое наследство отца, переехал в Тифлис и поступил учеником на кожевенную фабрику.

Сапожник-мастер из него не вышел, ибо это ремесло требует не только умелых рук, но и смекалки, вкуса, понимания

красивого, изящного. В чувячном цехе ему не доверяли даже раскрой, держали на прошивке подошвы.

В конце концов хозяин вынужден был уволить непутёвого работника. Виссариону Джугаеву в большом городе делать было нечего, и он перекочевал в Гори, где поселился в лачуге в одном из бедных кварталов – там жили в основном греки-ремесленники.

Знакомый грек-чувячник принял его в компаньоны на зависимых началах, давая возможность заработать на кусок хлеба и кружку кислого вина.

А дальше произошло вот что.

Однажды летом к Виссариону явилась известная горийская сватья. Хитроумная, пронырливая бабёнка начала с того, что он одинок, жалок, неухожен, не пользуется уважением людей потому, что не имеет жены, семьи, как подобает настоящему мужчине...

После лирического вступления сватья намекнула, что ему, полунищему, уважающий себя человек не отдаст дочь, а вот она, мол, по доброте душевной, жалея его, решила осчастливить, предложив девуцу из приезжих, дочь её близких кунаков.

Эта девица, Кетован, хоть и сельская, но работающая, мастерица на все руки, желает выйти замуж только за городского мастерового человека, одинокого и бедного, как она сама.

Состоялись смотрины. Тётушка невесты со сватьей велели Виссариону постричься, помыться, переодеться, прибрать в комнатнушке, дабы произвести впечатление на невесту.

Девчонка хоть и была рыжая, конопатая, но производила впечатление проворной, бойкой.

Сватовство состоялось. Молодых без свадебного шума обвенчали, посидели с соседями и друзьями Виссариона за скромным столом, как положено – с поздравлениями, песнями, и разошлись, оставив новобрачных одних.

Шли дни. Молодая хозяйка привела в порядок лачугу, убрав небогатым приданым. Преобразился и ухоженный Виссарион, пить стал меньше, работать больше.

Но при виде быстро округлившегося живота жены появились первые сомнения. И конечно же, он всё понял, когда на свет появился ребёнок, которого волей-неволей пришлось окрестить, наречь Иосифом Виссарионовичем Джугашвили.

Судьба была беспощадна к нему с момента зачатия – в годы его младенчества, юности... Учитывая врождённые, унаследованные и благоприобретённые психоневрологические факторы, формирующие сознание людей в течение всей жизни, неудивительно, что для Сталина его происхождение, прошлое и его близкие были «больной» темой.

Безродный чувячник, страдающий хроническим алкоголизмом, Виссарион Джугаев, учуяв подвох со стороны сватьи и новобрачной красотки, окончательно разочаровался в жизни и стал пропивать всё, что зарабатывал.

Несчастливая Кето была вынуждена, бросив мальчика на произвол судьбы, добывать ломоть хлеба сначала у мелкопоместного князя, священника Кобы Егнатошвили.

Греховный плод случайной связи, как только встал на ноги, вынужден был сам добывать себе пропитание. С детьми горийских бедняков лазал по садам, виноградникам, но имел особое пристрастие к домашней птице.

Падкие на сенсационные новости горийские сплетницы, живущие по соседству, оживлённо шушукались, когда Виссарион или Кетован проходили мимо, строили догадки, зло-

словили.

Удручённый Виссарион запил и того пуще, работал плохо, сына не признавал.

Иосиф-Сосо жил в условиях нищеты, постоянной брани и драк матери с отцом, презирающим и нещадно лупившим озорного, привередливого первенца.

Любопытство горийцев в отношении Кето не ослабевало. Особо интересующиеся земляки побывали в селе, откуда она была родом, и выяснили, что её будто бы соблазнил участковый жандарм. Когда Кето почувствовала, что беременна, и призналась тётке, все всполошились.

В те времена даже отдельный случай внебрачной связи считался грехопадением, несмываемым позором. Это теперь всякие пьяницы, наркоманки, народившие инвалидов, пользуются как матери-одиночки повышенным вниманием государства, обеспечиваются квартирами, пенсионной помощью. Тётушка была вынуждена спешно вывезти племянницу из села и с помощью знакомой горийской сватьи пристроить у одного безродного, бедного, безвольного бедолаги – Виссариона Джугаева.

Когда преданный сам себе, живущий безнадзорно, драчливый, лживый, вороватый, укравший немало кур Сосо подрос, священник, у которого работала Кето, пожалел его. Он определил отбившегося от родительских рук отрока Иосифа в духовное училище.

Склонностью к учёбе и прилежанием Иосиф не отличался. По характеру был замкнут, груб, упрям, насмешлив, завистлив и жесток к физически более слабым. Был непочтителен и к преподавателям духовного училища.

Гори – городок маленький, люди друг друга знают с детства и, не сомневаясь в проделках Сосо, шли с жалобами к Виссариону.

Отец, ненавидя шкодливого, изворотливого и злого мальчишку, приписанного ему в сынки, сёк его нещадно верёвкой из сыромятной кожи, специально нарезанной для порки.

Боясь отца, тот по несколько дней не появлялся в доме после очередного разбоя.

Обстановка в семье была ужасной: пьяный глава семьи, раздражённая утомительной подённой работой от зари до зари мать, ругань, драки, вспыхивающие в грязной, запущенной лачуге, презрительное, насмешливое отношение соседей, оскорбительная брань и побои.

Неудивительно, что Сосо слонялся по базарам, духанам, притонам воров и проституток. Кражи и разбой, каталажки и тюрьмы – всё это при крайнем напряжении нервов, посто-

янным страхе, не считая болезней, изматывало отрока.

Каким может вырасти человек, от рождения не знавший родительской ласки, тепла и уюта, пусть бедного, но родного домашнего очага, без привязанности к отцу, матери, родным, без близких, друзей?

В четвёртом классе перед началом занятия учитель Закона Божьего опустил перед учениками на треножник, обтянутый кожей, и вдруг резко вскочил с места. Глянув на сиденье, увидел торчащее остриё иглы.

– Кто? Кто это сделал? – строгим голосом спросил священник и стал обходить ряды учеников.

Подростки, вскакивая с мест, крестясь, смотрели в глаза учителя. Только один Сосо остался сидеть на своём месте, не поднимая головы.

Тогда учитель схватил его за шиворот, поволок к двери и вышвырнул вон.

Домой Сосо не пошёл, заночевал в кустах, а на рассвете палкой выбил стёкла в окнах училища и исчез.

С тех пор в Гори сын Кето не появлялся. Но до Виссариона доходили слухи, что пасынок шныряет среди мелких ворюшек на Тифлисском базаре.

Позднее поговаривали, что «шарлатан Сосо во главе шаек выходит с кистенём на большую дорогу», чтобы подстеречь впотьмах запоздалых купцов, возвращавшихся домой из Тифлиса. Занимался Сосо и конокрадством, за что не раз сиживал в местной каталажке.

Батумский и бакинский периоды «революционной деятельности» Сосо тесно связаны с пиратством в потайных морских бухтах, куда под покровом ночи приплывали контрабандисты из Турции и Персии. Иначе откуда ещё было взять деньги для подпольной деятельности ленинско-искровских организаций в Закавказье?

Здесь Сталин был схвачен и сослан в Восточную Сибирь. «Неблагодарные» блюстители имперских законов не посчитались с тем, что Иосиф Джугашвили числился агентом царской охраны.

Но через год Сталин бежал из Балаганского уезда Иркутской области и скрывался то в Батуми, то в Кутаиси, то в Баку. И не было ему иного пути, как примкнуть к смутьянам и бунтарям.

И каким же надо быть разбойником с большой дороги, чтобы с 1902 по 1913 год семь раз быть судимым и шесть раз бежать из ссылок.

Конечно же, там, в Сибири, этот изворотливый юноша представлялся политкаторжанам как революционер-подпольщик, борющийся за свержение царского строя.

В феврале 1913-го уже в роли «профессионального революционера Кобы» Джугашвили был схвачен и выслан в Турханский край.

Весной семнадцатого, когда в России бушевал ураган войны и надвигался смерч революции, Сталин решил найти себе место в гуще тех, кто готовил переворот в России, хотя от начала и до конца придерживался позиции стороннего на-

блюдателя.

С помощью Серго Орджоникидзе и рабочего Тифлисского железнодорожного депо революционера Сергея Аллилуева, перебравшегося в Питер, ловкачу Сосо удалось попасть в число ближайшего окружения Ленина. Владимир Ильич даже поручил ему труд «Марксизм и национальный вопрос» и помог его написать.

После победы Октябрьской революции Коба, засучив рукава, появился на правительственной арене в роли члена ВЦИКа и народного комиссара по делам национальностей.

Вы, господин Лукашов, судя по характеристике, даваемой вами вождю, не сомневаетесь в образованности и необычных способностях вождя, хотя, копируя его речь, часто повторяете «ми». И не только вы. Все, кто интересовался родословной Сталина, ссылаясь на сохранившиеся документы, пишут, что Сталин провёл в стенах Горийского духовного училища шесть лет вместо четырёх потому, что оставался на второй год, как неспособный, неприлежный ученик.

Каким же образом он мог окончить училище, да ещё с отличием, и поступить в Тифлисскую духовную семинарию?

В начале повествования вы соглашаетесь с выводами Матильды Васильевны, которая рассуждает: «Судите сами: разве поступил бы сын сапожника и крепостной крестьянки в духовное училище, а затем в духовную семинарию? Конечно же, князь Егнатошвили позаботился о развитии своего сына».

На этот счёт помимо Матильды Васильевны изощряются в выдумках и некоторые биографы Сталина.

Оказывается, в семинарии у новоявленного ученика – замкнутого, неконтактного, капризного, резкого, дерзкого – якобы возникают конфликты с воспитателями. Возникают из-за протеста против издевательского режима и иезуитских методов воспитания.

Потому Джугашвили в пятнадцать лет становится на «революционный путь», почти не владея русским языком и не имея понятия, что такое революция.

Как утверждают очевидцы, в духовном училище у него не было друзей. Сам он был презираем. Одноклассники били его за стукачество.

Однако, согласно заказным сочинениям официальных биографов, советскому народу была представлена блестящая героика юности и молодости Джугашвили.

Конечно же, в 1894 году Джугашвили якобы с похвальной грамотой оканчивает духовное училище и поступает в Тифлисскую духовную семинарию.

Новоиспечённый семинарист, пятнадцатилетний недоросль, с трудом говорящий по-русски, сразу начинает изучать труды Маркса, Плеханова, Ленина.

Невольно возникает вопрос, что он мог понять, например, в таких работах, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» или «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», если в них толком не разбира-

лись некоторые наши крупные партийные деятели?

Более того, семинарист-недоучка якобы связывается с подпольными группами русских марксистов, проживавших в Закавказье, и тут же приступает к работе над философскими трудами, впоследствии опубликованными во втором томе своих сочинений.

Это «Предисловие к грузинскому изданию брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции». С июня 1907-го (бакинский период) трудится над сочинениями «Партийный кризис и наши задачи», «Резолюции, принятые партийным комитетом 22 января 1910 года», «Письма с Кавказа», «Что говорят наши забастовки

последнего времени?», «Нефтепромышленники об экономическом терроре», «Совещание и рабочие», «Лондонский съезд РСДРП». Со второй половины 1911 года (петербургский период) пишутся: «За партию» (листовка), «Избирательная борьба в Петербурге и меньшевики», «Новая полоса», «Они хорошо работают», «Тронулись», «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», «Воля уполномоченных», «Выборы в Петрограде».

Интересно, когда и где он успел за этот период столько написать?

Если обратимся к данным Советской энциклопедии (1953 г., с. 309), то видно, что с 1902 по 1913 год Сталин подвергся арестам семь раз, был сослан шесть раз, бежал из ссылки пять раз.

Это же не просто его хватали и ссылали! Была ведь и процессуальная сторона – арест, следствие, суд, не говоря об этапах к местам ссылок.

Мало того, в 1905 году Сталин успевает побывать в Таммерфорсе (Финляндия) на I конференции РСДРП. В 1906 году на партийном съезде в Стокгольме, а в январе 1912-го (будучи в Туруханской ссылке) успел совершить вояж в Чехословакию – на VI Всероссийскую партийную конференцию, которая проходила в Праге.

Надо отдать должное великому деятелю, который не терял зря времени, даже находясь в ссылке. В частности, в Туруханске им была написана важная статья «О культурно-наци-

ональной автономии», которая, к великому сожалению, была «утеряна».

Вы, товарищ Лукашов, касаясь особенностей Февральской революции, констатируете, что, когда в армии появилось много скороспелых офицеров (в том числе из евреев), положение значительно изменилось. Порядочность, достоинство всё больше отходили на задний план, уступая нахрапу, обману, карьеризму.

Когда вы, Николай Алексеевич, рисуете образы и описываете отдельные действия таких известных полководцев царской службы, как генерал Алексей Алексеевич Брусилов, армия которого в 1916 году блестяще прорвала австро-германский фронт, подчёркивая свои отношения с ним, в это ещё можно поверить. Но вот рассказывая о малограмотном луганском слесаре Клименте Ворошилове, на мой взгляд, вы многое придумываете об организации его встречи со Сталиным в Стокгольме, куда они приехали на партийный съезд.

Во-первых, оба они были не столь уж известными партийными деятелями-марксистами, чтобы разъезжать по заграницам, а во-вторых, если верить советским энциклопедистам, они в это время находились под арестом, за которым следовала ссылка.

Вы, Николай Алексеевич, от начала до конца в своём повествовании как-то двойственно, противоречиво характеризуете Джугашвили.

То он у вас неуклюжий уродец, которого, не зная, куда девать, фельдфебель держит при ротной канцелярии. Хотя и здесь этот солдат, «окончивший семинарию», не оправдал надежды – «почерк у него был неважный, и казённую бумагу по всем правилам составить не мог».

Насколько мне известно, до революции во всех учебных

заведениях, начиная с церковно-приходских школ, а тем более в семинариях и гимназиях каллиграфии и грамматике придавали большое значение, поскольку пишущие машинки ещё не имели большого распространения. А сказанное вами лишний раз подтверждает, что Джугашвили был человеком малограмотным.

И буквально на следующей странице вдруг приводите слова Людмилы Николаевны, высказанные Матильде Васильевне: «О бунтаре, об умном грузине, авторе революционных статей, который безвестно пропадает в сибирских дебрях».

При первом знакомстве с Джугашвили ещё в Красноярске вы, Николай Алексеевич, обратили внимание на его пристально-пронизывающий взгляд.

И вам показалось, что он просветил вас (разумеется, как рентгеном).

Более того, неуклюжий рядовой начал говорить с вами, подполковником царской службы, с чувством собственного достоинства и даже превосходства, как с учеником.

А ведь говорил Джугашвили-Сталин по-русски плохо, с резким грузинским акцентом, коверкая слова.

Косноязычная речь Кобы оставалась при нём всю жизнь, даже когда – много позже, будучи генсеком – он мнил себя выдающимся оратором.

11 декабря 1937 года, выступая на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы в Большом театре, Иосиф Виссарионович «блистал»

красноречием:

«...Требуются, говорят, разъяснения по некоторым вопросам избирательной кампании. Какие разъяснения, по каким вопросам? Все, что нужно было разъяснить, уже разъяснено и переразъяснено...

...при таких условиях хорошей речи не скажешь. И всё же, коль скоро я вышел на трибуну, конечно, приходится так или иначе сказать хотя бы кое-что.

...Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы... они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин.

Чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин.

Чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин.

Чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин.

Чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин.

Чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин.

...Есть люди, о которых не скажешь, кто он такой, то ли он хорош, то ли он плох, то ли мужественен, то ли трусоват, то ли он за народ до конца, то ли он за врагов народа.

...о таких людях неопределенного типа, о людях, которые напоминают скорее политических обывателей, чем политических деятелей, о людях такого неопределенного, неформального типа довольно метко сказал великий русский писатель Гегель... Гоголь... Великий русский писатель Гоголь: люди, говорит, неопределенные, ни то, ни се, не поймешь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. О таких неопределенных людях и деятелях также довольно метко говорится у нас в народе: так себе человек – ни рыба, ни мясо, ни богу свечка, ни черту кочерга.

...Я не могу сказать с полной уверенностью, что среди кандидатов в депутаты (я очень извиняюсь перед ними, конечно) и среди наших деятелей не имеется людей, которые напоминают скорее всего политических обывателей, которые напоминают по своему характеру, по своей физиономии людей такого типа, о которых говорится в народе: «ни богу свечка, ни черту кочерга».

...Я бы хотел, товарищи, чтобы вы влияли систематически на своих депутатов, чтобы им внушали, что они должны иметь перед собой великий образ великого Ленина и подражать Ленину во всём.

...Стало быть, обязанность и право избирателей состоят том, чтобы они всё время держали под контролем своих де-

путатов и чтобы они внушали им — ни в коем случае не спускаться до уровня политических обывателей, чтобы они — избиратели, внушали своим депутатам — быть такими, каким был великий Ленин».

Приведённый текст речи вождя для официальных публикаций тщательно ретушировался специалистами, которые сглаживали все косноязычные несуразности Сталина, за что получали ордена — чтобы скрыть от народа ограниченность и невежество «корифея всех наук».

Но оказывается, собеседник явно не уступал вам в эрудиции, в умении вести дискуссию.

И это с вами, человеком образованным, привыкшим обращаться с солдатами как с пешками на шахматной доске, на «ты».

Грош вам цена как офицеру высшего чина, раз вы «терялись» перед недоучившимся семинаристом, которым в канцелярии пренебрегали даже низшие чины и упрятали подальше от глаз.

Однако Сталину не откажешь в умении производить впечатление и даже блистать чужими словечками, выдаваемыми за свои, особенно когда он дорвался до власти.

Вам, господин Лукашов, конечно же, известны проделки вождя, благодаря которым оболваненные поклонники присвоили ему звание «корифея всех наук».

Но вы об этом говорите лишь намёком.

А делал он это просто. Например, какой-нибудь учёный – философ-марксист, экономист, историк, социолог, специалист военного дела – создавал научный труд государственной важности теоретического (либо практического) направления и после одобрения учёных коллег, на своё несчастье, отсылал для ознакомления и решения «великому вождю».

Сталин после соответствующей оценки прятал работу в сейф, а автор и те, кто давал высокую оценку труду, через

некоторое время бесследно исчезали.

По истечении определённого времени чужой труд извлекался из личного сейфа, подвергался стилистической правке техническим секретарём, выносился на обсуждение членов политбюро.

Они, замирая от удивления и восторга, взахлёб утверждали гениальность вождя. И «праведный» труд тут же приобщался к перечню философских сочинений, или к перспективному плану практических начинаний, или к усовершенствованию научных разработок в какой-нибудь области промышленности, предлагаемых «корифеем всех наук» – Сталиным.

Приход Антихриста

Сталин как личность, конечно же, сыграл огромную роль в истории Советского государства в первой половине XX века. Роль страшную, сатанинскую. Его явление можно сравнить с приходом Антихриста.

Конечно, в бедах, обрушившихся на народы, повинен не только Сталин. Он лишь один из злых гениев, которому удалось дольше всех правителей удержаться у власти – и всё благодаря своей дикой воле, не знающей пощады.

Сознание отверженности, отчуждённости от мира окружающих его людей, даже самых близких, породило в душе юноши с ущербным самолюбием, с нездоровой психикой жестокие чувства, неверие ни во что святое.

Никого в своей жизни Сосо не любил и сам не был любим.

А во всенародную любовь вообще не верил, знал, что порождена она больше страхом, замешенным на алчности и первобытных инстинктах, что она сегодня вознесёт его, а завтра с таким же пылом низвергнет.

Но чувство страха, тревожно-мнительное состояние осело в его душе на всю жизнь и с годами обострилось.

Теперь уже не ожидание прихода жандармов (как в пору его «абречества»), а параноидальный страх, порождённый постоянной угрозой потери власти, ожидаемых измен, покушений.

Тревожный сон, кошмарные сновидения, вскакивание с постели при каждом шорохе и бессонница привели его к крайней раздражительности, вспыльчивости и грубости ко всем подряд, невзирая на лица, на родство.

Собственная жизнь для него была дороже всего на свете, и потому, узурпировав власть, наслаждаясь своей диктатурой, он прежде всего обеспечил собственную персону армией телохранителей, каких не имел ни один тиран мира.

Сталин не рисковал пройтись свободно даже по кремлёвскому двору. И когда покидал рабочий кабинет, десятки охранников в штатском торопили обитателей Кремля и их слуг разойтись по своим рабочим местам, невзирая на чины

и звания.

Его подмосковные и причерноморские дворцы и дачи днём и ночью охранялись сотрудниками НКВД, дежурившими в три смены.

По размеру манекена, скопированного с его неуклюжей фигуры, в Берлине изготовили пуленепробиваемый жилет, который он постоянно надевал. «Его величество» являлось на официальные торжества, проводимые на Красной площади, в сопровождении не только телохранителей, но и отборных частей войск специального назначения.

На трибуне мавзолея, чтобы «возвеличить» Сталина над соратниками, под его ноги ставили табурет, а её мраморные

стены и пол имели специальный подогрев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.